Борма́ Ярыжка

Царь Иван Васильевич кликал клич: «Кто мне достанет из Вавилонского царства корону, скипетр, рук державу и книжку при них?» По трое сутки кликал он клич, но никто не являлся. Приходит Борма́ Ярыжка. «Я, — говорит, — могу достать, а для этого мне надо снарядить корабль, да тридцать человек дайте мне матросов; корабль чтобы весь был окован жестью, все снасти и мачты, да тридцать бочек в него пороху, да на три года провизии, и если я через три года не ворочусь, значит — меня вжи́ве не будет. А теперь мне с молодцами дайте попить да погулять». Ну вот он шесть недель с ними пьянствовал, пропился весь. Пошли на корабль. Ветер был попутный, подняли паруса и живо затопились. Приезжают к Вавилонскому царству. Он сошел на берег, взял двоих с собой матросов. А Вавилонское царство все было съедено змеями. На берегу они нашли часовенку. Они ее разбили, и нашел он в ней корону, скипетр, и рук державу, и книжку при них. Матросы говорят: «Ну, теперь до́были — пойдемте на корабль!» А он: «Нет, — говорит, — надо в город сходить, а то нас будут спрашивать, а мы ничего не знаем». Змеи все пожирали, ничего кругом не осталось, а спали между обедней и заутреней в Светло Христово Воскресенье. В это время Борма́ и вышел на берег. Царь Вавилонский издал указ, чтобы на всем змеи были вырезаны и написаны: и на чашках, и на ложках, и на монетах. Бог его и наказал: все эти змеи ожили и поели все живое. Около города, вместо стены, змея обвивалась. Ну вот Борма́ Ярыжка, чтобы перелезть стену и змея не задеть, слепил лестницу и перелез. Когда он шел городом, змеи, как мертвые, под ногами лежали. Иная взметнется, как наступят, и опять спит. Он никого живого не нашел и пошел прямо во дворец. Приходит — все комнаты пустые, а в последней царской комнате сидит (сделанная) Царь-Девка — наполовину змея, наполовину девка. Она над всем змеиным царством царствовала. Когда Борма́ Ярыжка вошел, она увидала и говорит: «А, Борма́ Ярыжка! Ты шел из Русского царства доставать корону, скипетр, рук державу и книжку, и они у тебя?» — «У меня». — «Достал?» — «Достал». — «Разорву, съем!» — «Ну, чего ты меня разорвешь? Много ли во мне мяса? Вот я тебе двоих в залог оставлю да и остальных приведу: все одно вместе пропадать. Через час вернусь». Она отпустила его да и говорит: «Ну, ступай, да не обмани!» Не успел он ступить из ее комнаты, Царь-Девка на матроса одной ногой ступила, другой розорвала при нем же. А Борма́ Ярыжка, как прибыл на корабль, так и

закричал: «Рубите канаты! Поднимайте паруса!» Проходит час; Царь-Девка видит — его нет. Посмотрела — ан чуть парус видно. «А, хитёр, мудёр Борма́ Ярыжка, да не уйдешь!» И закричала: «Эй, вы змеи мои, змеи лютые! Поднимайтесь, летите, трехглавые, шестиглавые, вот на этот корабль, утопите его!» А Борма́ сейчас велел три бочки пороху вынуть, разбил их и рассыпал порох по палубе. Змеи налетели, обцепили корабль и все снасти облепили. Царь-Девка прыгает на крыльце, радуется: «А! Попался!»

Он огонь в порох и кинул. Порох взорвало и у змеев все крылья опалило; которых добили, которых пожгли. «А! — сказала Царь-Девка. — Хитёр, мудер Борма́ Ярыжка!» Потом велел он матросам все бочки выкатить и разбить на палубе, а сам в лодку сел один и уехал. «Когда змеи налетят, вы порох и зажгите!»

Прилетел Змей Горыныч, что около города стеной лежал, и с ним много змиёв. Двадцать семь бочек с порохом взорвало, змей многих пожгло, а Змей Горыныч уцелел и начал корабль топить. Корабль и потонул. Царь-Девка на крыльце заплясала. «Ну, Борма́ Ярыжка! Потонул-таки!» — «Ну, чёрт, пляши! Я-то здесь, да вот товарищей жаль». Поплакал Борма́ да и стал думать: «Что делать мне? Водой ли плыть, сухим ли путем идти? Водой поплыву — хоть и скорей может (быть), да есть нечего будет. Нет, лучше сухопутьем. Тут хоть корешок найдешь, с голоду не умрешь». Вышел из лодки и пошел. Шел много ли, мало ли, приходит к великолепному дому. Окружен дом каменной стеной, и ворота за́перты. Начал стучаться — отзыву нет, никто не откликается. А любопытство его разбирает: кто тут живет? Разбойники, кто ли? Сел на лавочку и стал ждать. К вечеру идет великан одноглазый, с лесом ро́вен. «А! Борма́ Ярыжка! Здравствуй!» — «Здравствуй!» — «Ты у сестры моей был?» — «Был». — «Корону, скипетр, рук державу и книжку достал?» — «Достал». — «Змеев выжег?» — «Выжег». — «Сестру мою обманул?» — «Обманул». — «Ну, я тебя разорву — съем!» — «Ну, чего есть-то: разве от меня сыт будешь? А вот давай по-братски сделаем: у тебя вот один глаз-то, а я тебе два сделаю. Ты теперь одно царство видишь, а тогда — два. Пойдем! Где у тебя казна и каменья драгоценные?» Нашел — посмотрел. «Для глаза, говорит, надо. Станок ладить давай, тебя положить!» Сделал станок да связал великана снастями. «Ну-ка рванись, а то ведь глаз-то испортить можно». Тот как рванулся, так все и перелетело. И второй раз то же. Скрутил Борма великана воловьими жилами и спрашивает: «Ну, а теперь не разорвешь?» — «Нет», — говорит.

Он пошел, взял олова, растопил да и говорит великану: «Растопырь глаз-то, а то ошибешься — не такой сделаешь». Тот раскрыл глаз, а Борма́ и вылил туда горячего олова. Великан порвал воловьи жилы, все изорвал и поломал. «А, говорит, ты меня обманул! Ну, да постой, найду!» Затворил ворота и камень к ним привалил. Некуда Борме деться. А у одноглазого, вроде товарища, козел громадный жил. Вот Борма́-то и подвязался к козлу под брюхо, а то не уйдешь, пожалуй, — и давай его под бока щекотать. А козел-то привык с одноглазым играть, разбежится, разбежится да и ткнет. А тот говорит: «Уйди, Васька, теперь не до тебя!» Надоел он одноглазому. Тот рассердился, схватил козла за рога, хотел об стену расшибить, да с Бормо́й вместе через стену и перекинул.

Борма́ не с пустыми руками ушел. Как только очутился на той стороне, отвязался от козла и крикнул: «А я здесь!» — «А, Борма́ Ярыжка! — закричал одноглазый. — Хитер ты и мудер! Ну! На от меня на память золотой топорик! Все равно!» Борма́ Ярыжка думает: «Недаром он кидает». Подошел да мизинцем чуть дотрону́лся до топорика. Как дотронулся, топорик и закричал: «Хозяин! Здесь! Держу!» Борма́ Ярыжка схватил ножик и отрезал себе палец. Пока тот отваливал камень, Борма́ убежал. «Эх! — крикнул топорик. — Не поспел! Вот тебе один палец!» Великан кинулся, весь его сгрыз; а Борма́ где за дерево спрячется, где камнем лукнет — ушел.

Долго ли шел, нет ли, недалеко до Русской земли осталось: только через речку перейти. Опять увидал великолепный дворец. «Дай погляжу». Дожидался до вечера — приходит девка. «А Борма́ Ярыжка! Здравствуй! Ты в Вавилонском царстве был?» — «Был». — «У моей сестры был?» — «Был». — «Змеев выжег?» — «Выжег». — «А у брата был?» — «Был». — «Глаз ему выжег?» — «Выжег». — «Ну, я тебя разорву — съем! Да еще я на тебя полюбуюсь и помучаю!»

Эта девка его каждый день смертью стращала и двадцать лет с ним прожила, и прижила сына. Стало сыну двадцать лет. Вот раз она уходит в Вавилонское царство, к сестре, а Борму́ на цепи оставила и говорит сыну: «Я пойду, целый день не буду. Смотри, с цепи отца не отпускай, а то он хитер и мудер. Самого разорву, коли пустишь, а к вечеру я сама вернусь». Она ушла. Борма́ и подзывает сына: «Сними цепь-то, дай я похожу». Тот снял. Походили. «Чего мы, — говорит Борма́, — так-то зря ходим? Пойдем на реку, уток пострелям!» — «Нет, батюшка, ты меня обманешь». — «Нет, зачем? Ты ведь сын мне! Ведь тошно мне: я двадцать лет на цепи сидел!» Пошли уток стрелять на реку, а за эту реку нечисть не перелетала. Убил Борма́ утку и

послал сына за уткой; сам плот сделал на реке и поплыл. «Батюшка! — закричал сын. — Что ты дела(е)шь?» А девка уж на берег прибегла, кричит: «А, Борма́ Ярыжка! Хитёр и мудер! На вот тебе твою-то половину, не надо мне!» Разорвала сына да и кинула ему половину. Одна капля нечистой крови попала на плот, он и стал тонуть. Борма́ взял да ножом ее и вырезал. Плот опять поплыл и переехал в Русь святую. Девка побесилась, побесилась, а сделать нечего: на ту сторону не перекинешься. Борма́ посмеялся над ней и дальше пошел. Приходит в такое место, словно вычищенный сад. Местами выбито, словно ямами, местами на кустах кровь. «Что бы это было? Дай узнаю». Взял Борма́ Ярыжка и взлез на дерево и спрятался в ветвях. Немного посидевши, видит: бежит лев, и в ту же минуту прилетает змей, и начали они между собой биться; только до того бились, что оба ослабели и упали, а один другого не отпускают. Вот Борма́ Ярыжка и думат: «Кому помочь? От змеев я много терпел, заступлюсь за льва». Взял да и выстрелил в змея. Змей раненый ослабел, и лев его задушил. Задушил змея и смотрит, глазами ищет, кто это ему помог. А Борма́ боится слезть с дерева: кабы его лев-то не съел. Лев увидал Борму́ и говорит: «Слезь! Я тебя не съем. Тебе еще три года идти, а я тебя в три часа домчу, только ты мной не хвались, а то я тебя съем!» Борма́ слез и сел на льва. Тот его мигом довез до города и убежал. Борма́ пошел прямо во дворец и сказал о себе; а там уж и забыли о нем, потому что тридцать лет как его не было. Стали искать в архивах и нашли, что действительно тридцать лет назад был отправлен корабль за поиском короны, скипетра, рук державы и книжки при них. «Ну что, чем мне тебя наградить?» — спрашивает Борму Иван Васильевич. «Да что? Дозволь мне три года безданно, беспошлинно пить во всех кабаках!» И вот стал Борма́ пить-попивать, пьяниц за ним нетолчена труба. Напившись раз, он хвалиться стал: «Мне бы еще три года идти, да меня лев подвез в три часа, за то, что я змея убил». Как эти слова выговорил, и спохватился, да уж поздно. Сейчас же побежал на царский двор и велел врыть в землю три пивных котла и укрепить их как можно крепче. Только что успели их укрепить и налить в один меду, в другой вина, а в третий самого крепкого спирту, как поднялась буря, и вслед за ней бежит лев и сей: час же к Борме! «А, ты мной похвалился! Так я тебя съем!» — «Это не я». — «А кто же?» — «Хмель». — «А где он?» Он ему указал на котел с медом. Лев весь котел вьшил и выворотил из земли. «Кто мной хвалился?» — «Хмель». — «А где он?» Он ему указал на котел с вином. Лев его весь выпил и выворотил. «Кто же мной хвалился?» — «Хмель». — «А где он?» Он ему показал на котел со спиртом. Лев выпил котел, выворотил и пьяный тут же растянулся.

Борма́ велел вбить около льва столбы и оковать цепями. Когда лев встряхнулся — хвать, и встать нельзя. Борма́ подошел и говорит: «Вот видишь, что хмель-то делает? Не я тобой хвалился, а хмель. Я тебе бы теперь мог голову срубить, да не сделал этого». — «Ну, пусти, Борма́ Ярыжка!» Тот велел его расковать; лев и убежал. После этого Борма́ недели три пьянствовал и опился в кабаке.

(Записано от симбирского мещанина Петра Степановича Полуехтова)

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.